

ЖАН ПОЛЬ САРТР

СТАВОК БОЛЬШЕ НЕТ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С20

Серия «Эксклюзивная классика»

Jean-Paul Sartre
LES JEUX SONT FAITS

Перевод с французского *Т. Чугуновой*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

Сартр, Жан Поль.

С20 Ставок больше нет / Жан Поль Сартр ; [перевод с французского Т. Чугуновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 160 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-119359-1

Роман-пьеса «Ставок больше нет» был написан Сартром еще в 1943 году, но опубликован только по окончании войны, в 1947 году.

В длинной очереди в кабинет, где решаются в загробном мире посмертные судьбы, сталкиваются двое: прекрасная женщина, отравленная мужем ради наследства, и молодой революционер, застреленный предателем. Сталкиваются, начинают говорить, чтобы избавиться от скуки ожидания, и... успевают полюбить друг друга настолько сильно, что неожиданно получают второй шанс на возвращение в мир живых, ведь в бумаги «небесной бюрократии» вкралась ошибка — эти двое, предназначенные друг для друга, так и не встретились при жизни.

Но есть условие — за одни лишь сутки влюбленные должны найти друг друга на земле, иначе они вернутся в загробный мир уже навеки...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Editions Gallimard, Paris, 1996

© Перевод. Т. Чугунова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

ISBN 978-5-17-119359-1

Этот сценарий был задуман в 1943 году, опубликован в 1947 году. Тогда же режиссер Жан Деланнуа снял по нему фильм. В главных ролях — Мишлин Прель и Марчелло Пальеро.

Спальня Евы

Комната, в которую из-за прикрытых ставень проникает лишь полоса света.

Луч выхватывает из полутьмы женскую руку, пальцы, судорожно царапающие меховое покрывало, заставляет сверкать золотое обручальное кольцо, скользит по лицу Евы Шарлье... Ее глаза закрыты, ноздри сжаты, она стонет, мечется и явно страдает.

Открывается дверь, на пороге застывает мужчина. Элегантно одетому жгучему брюнету с прекрасными темными глазами и усиками, подстриженными на американский манер, лет тридцать пять. Это Андре Шарлье.

Он пристально вглядывается в жену, но взор излучает лишь холодное равнодушие, лишенное даже капли участия.

Он переступает порог, бесшумно прикрывает за собой дверь, осторожно приближается к Еве.

Она ничего не слышит, лежит на постели в ночной рубашке, поверх которой надето элегантное домашнее платье. Ноги укрыты меховым покрывалом.

Некоторое время Андре Шарлье рассматривает страдальческое лицо жены, затем наклоняется и тихо зовет:

— Ева... Ева...

Ее глаза не открываются. На лице гримаса боли. Она забылась сном.

Андре выпрямляется, смотрит на стакан с водой, стоящий на прикроватном столике, достает из кармана флакончик с дозатором, подносит к стакану и медленно отмеривает несколько капель.

В это мгновение Ева дергает головой, он прячет флакон в карман и впивается в спящую жену острым взглядом.

Гостиная квартиры Шарлье

В соседней гостиной у широко открытого окна стоит молодая девушка и смотрит на улицу. По проспекту грохочут сапогами марширующие солдаты.

Андре Шарлье входит в гостиную и закрывает дверь в спальню. На его лице появляется заботливое выражение.

Девушка оборачивается на звук закрывшейся двери.

Она хороша собой и юна, ей лет семнадцать, ее личико, серьезное и напряженное, не утратило детской округлости.

За окном хрипло грянула походная песня, звучащая размеренно, в такт чеканному шагу.

Девушка резко закрывает окно; видно, что она с трудом справляется с волнением.

— Так и маршируют с самого утра! — обернувшись, раздраженно бросает она.

Словно не замечая ее, Андре делает несколько шагов по гостиной и с озабоченным видом останавливается возле дивана. Девушка подходит к нему, тревожно всматриваясь в его лицо. Он бросает на нее взгляд и с полной безнадежностью отвечает:

— Спит...

— Думаете, есть надежда, что она выздоровеет? Андре молчит.

Девушка капризно упирается коленом в диван и дергает Андре за рукав. Еще немного и она заплачет. И вдруг ее прорывает:

— Не смейте обращаться со мной как с девчонкой! Отвечайте!

Андре смотрит на свояченицу, тихонько гладит ее по волосам и со всей нежностью и сдерживаемой болью, на которые способен, шепчет:

— Вам понадобится все ваше мужество, Люсетта.

Девушка раздражается слезами и утыкается головой в спинку дивана. Ее отчаяние искренне, глубоко, но по-детски эгоистично; она не более, чем избалованное дитя...

— Люсетта... — шепчет Андре.

— Оставьте меня... — трясет она головой, — оставьте... Я не желаю быть мужественной, это слишком несправедливо, в конце концов! Что станет со мной без нее?..

— Люсетта! Успокойтесь... прошу вас... — не переставая гладить ее по волосам и плечу, повторяет он. Она отстраняется, зажав голову руками и, оперевшись локтями в колени, стонет:

— Сил моих больше нет!

Андре огибает диван. Поскольку за ним никто не наблюдает, к нему вновь возвращается жесткий взгляд; он внимательно следит за поведением девушки.

— Надеешься-надеешься, и вдруг на тебе, больше надеяться не на что! С ума можно сойти... Да известно ли вам, что она для меня значит? — С этими словами Люсетта резко поворачивает голову, и лицо Андре вмиг обретает участливое выражение. — Она мне гораздо больше, чем сестра, Андре... — продолжает девушка сквозь слезы. — Это еще и мать, и лучшая подруга... вам не понять, никому меня не понять!

— Люсетта! — усаживаясь рядом с ней, шепчет Андре с нежным укором. — Это моя жена...

Она в смятении смотрит на Андре и протягивает ему руку.

— И впрямь, Андре, простите меня... Но знаете, без нее мне будет так одиноко на свете...

— А как же я, Люсетта? — Андре притягивает девушку к себе. Она доверчиво принакает к его плечу. — Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя одинокой, пока я с вами, — лицемерно говорит он. — Мы никогда не расстанемся. Я уверен, что такова воля Евы. Мы будем жить вместе, Люсетта.

Девушка успокоенно закрывает глаза и подетски всхлипывает.

Улица заговорщиков

Взвод жандармов, подчиняющийся Правителю, сворачивает на людную улицу. Плоские кепи с коротким козырьком, обтянутые темными рубашками торсы, портупей из блестящей кожи, автоматы на ремнях — они грохочут сапогами по мостовой. Внезапно над строем взлетает походный марш. Прохожие оглядываются, расступаются, иные возвращаются в свои дома.

Женщина с коляской медленно разворачивается посреди разбегающихся в разные стороны горожан и спокойно удаляется.

Два вооруженных автоматами командира в касках идут впереди взвода... Улица пустеет, не сразу, но как-то подчеркнута враждебно по отношению к военным. Небольшая толпа у дверей бакалейной лавки расходится, словно повинувшись молчаливому приказу. Люди заворачивают во дворы, скрываются в подъездах.

Хозяйки, обступавшие повозки зеленщиц, как по команде исчезают, а какой-то мальчуган, засунув руки в карманы, нарочито медленно пересекает улицу прямо под носом командиров...

Прислонившись к дверному косяку невзрачного дома, два молодых и крепких парня насмешливыми взглядами провожают военных.

Оба держат правую руку в кармане куртки.

Конспиративная квартира

Прокуренная, бедно обставленная комната.

Четверо мужчин, встав по обе стороны от окна, так, чтобы их не заметили с улицы, наблюдают за происходящим.

Ланглуа — высокий, костлявый, с бритым подбородком; Диксон — тощий и нервный, с бородкой; Пулен — седовласый, в очках в железной оправе; Ренодель, могучий, краснорожий, улыбающийся.

Они покидают свой пост у окна и собираются посередине комнаты у круглого, уставленного

стаканами стола, за которым сидит, спокойно покуривая, Пьер Дюмен.

Худая физиономия Диксона выражает беспокойство.

— Видел? — спрашивает он у Пьера.

— Что именно? — осведомляется тот, предвзвительно глотнув из стакана вина.

Небольшая пауза. Пулен садится, Ренодель закуривает, Диксон бросает взгляд на окно.

— Это продолжается с самого утра. Они о чем-то догадываются... — отвечает он.

Пьер сохраняет невозмутимое спокойствие.

— Возможно, — ставя стакан на место, отзывается он. — Но уж точно не о том, что им грозит завтра.

— А не лучше ли?.. — нерешительно начинает Пулен.

— Что? — резко повернувшись, обрывает его на полуслове Пьер.

— Подождать...

Поскольку Пьер раздраженно передергивает плечами, Ренодель поспешно вставляет:

— Всего три дня. С тем, чтобы усыпить их внимание...

— Струсил? — обжигает его взглядом Пьер.

— Пьер! — вздрогнув и покраснев протестует тот.

— Восстание не откладывают, — убежденно заявляет Пьер. — Все готово. Оружие роздано.

Парни в боевом настроении. Если станем ждать, рискуем не удержать их в подчинении.

Воцаряется тишина. Ренодель и Диксон садятся.

Пьер обводит строгим взглядом лица четырех товарищей и сухо спрашивает:

— Может, кто-то из вас не согласен? — Все молчат, и он продолжает: — Хорошо. Значит, завтра в десять. Вечером будем спать уже в покоях Правителя. А теперь вот что... — Присутствующие склоняются над столом, лица их напряжены, серьезные. Пьер вынимает из кармана и разворачивает карту восстания. — ...Выступление начнется в шести различных точках...

Спальня Евы

Ева по-прежнему лежит на диване с закрытыми глазами. Внезапно она поворачивает голову, широко открывает полные растерянности глаза, словно ей привиделся кошмар, и истошно кричит:

— Люсетта!

Она приходит в сознание, но мучается от сжигающего ее изнутри пламени. С усилием приподнявшись, Ева отбрасывает одеяло и садится на край постели. У нее кружится голова. Она протягивает руку и хватается стакан с водой, стоящий на

ночном столике. Залпом выпивает его содержимое и морщится.

— Люсетта! Люсетта! — зовет она слабеющим голосом.

Улица, на которой собираются заговорщики

— Пьер! — кричит молодой человек лет семнадцати, бледный, нервный, явно что-то замышляющий.

Пьер только что покинул обшарпанный дом, в котором проходило заседание. Услышав свое имя, он смотрит в сторону зовущего, затем отворачивается и обращается к двум стоящим у входной двери на стреме крепким малым:

— Сейчас и другие спустятся. Можете идти. Сбор здесь, в шесть вечера. Ничего нового?

— Все тихо. Только вот этот стукачок... хотел войти, — отвечает один из них, кивком указав на молодого человека, наблюдающего за ними с другой стороны улицы.

— Люсьен? Ну и ну! — бросив снова на него взгляд и пожав плечами, произносит Пьер.

Отпустив часовых, которые быстрым шагом удаляются, Пьер подходит к своему велосипеду, привязанному цепью к колышку, и наклоняется над ним. В это время Люсьен переходит улицу.

— Пьер... — зовет он.

Тот его даже не замечает. Он снимает цепь и убирает ее под седло.

— Пьер! Выслушай меня! — умоляет паренек, подходя к Пьеру. Тот выпрямляется и молча с презрением смотрит на него. — Я не виноват... — жалобно произносит Люсьен.

Пьер рукой отстраняет его со своего пути и толкает велосипед вперед. Парень следует за ним, бормоча:

— Они истязали меня, Пьер... Часами избивали, а я почти ничего не сказал...

Пьер спокойно сходит на мостовую и садится на велосипед. Люсьен преграждает ему путь, положив руку на руль. На его лице гнев вперемешку со страхом.

— Вы слишком жестоки! — выходит из себя он. — Мне всего лишь восемнадцать, я... Если вы меня бросите, я всю жизнь буду считать себя предателем. Пьер! Они предложили мне работать на них...

На этот раз Пьер в упор смотрит на него. Люсьена бьет крупная дрожь, он цепляется за руль и срывается на крик:

— Ну, скажи же что-нибудь! Так очень удобно, ты не прошел через это! Ты не имеешь права... Ты не уедешь, не ответив мне... Не уедешь!

И тут Пьер с глубочайшим презрением бросает сквозь зубы:

— Пакостный доносчик! — И наотмашь бьет по лицу, глядя ему прямо в глаза.

Люсьен, задохнувшись, отступает на шаг, Пьер жмет на педали и уезжает. Слышится довольный смех: Ренодель, Пулен, Диксон и Ланглуа, выйдя из дома, все это видят.

Люсьен бросает в их сторону короткий взгляд, на мгновение замирает на месте и медленно удаляется. В его глазах блестят слезы ярости и стыда.

Спальня Евы и гостиная

Рука Евы покоится на ночном столике возле пустого стакана.

Она со страшным усилием приподнимается и вздрагивает от резкой боли.

Затем неверным шагом добирается до двери, открывает ее и застывает на пороге.

На диване в гостиной сидят Люсетта и Андре, девушка положила голову ему на плечо. Проходит несколько мгновений, прежде чем Люсетта замечает сестру.

— Андре... — глухо зовет Ева.

Люсетта, отпрыгнув от зятя, бросается к ней. Андре, ничуть не смутившись, встает и спокойно приближается к сестрам.

— Ева! Тебе не следует вставать... — с упреком произносит Люсетта.

— Побудь здесь, Люсетта. Я хочу поговорить с Андре с глаза на глаз, — только и отвечает Ева, поворачивается и скрывается в спальне.

Андре подходит к потрясенной Люсетте, жестом просит ее остаться и идет за женой.

Ева стоит, опираясь на ночной столик.

— Андре, я запрещаю тебе притрагиваться к Люсетте... — выдыхает она. Андре делает несколько шагов по комнате, изображая недоумение. — Бесплезно говорить с тобой об этом, — собрав все свои силы, продолжает Ева. — Знаю... Вот уже несколько месяцев я наблюдаю... Это началось, когда я заболела... Оставь ее в покое... — Ей все труднее изъясняться. — Ты женился на мне из-за моего приданого и заставил меня пережить ад... Я никогда не жаловалась, но не позволю тебе дотронуться до моей сестры... — слабея выговаривает она.

Андре невозмутимо наблюдает за ней. Ева с трудом держится на ногах и тем не менее твердо продолжает:

— Ты воспользовался моей болезнью, но я поправлюсь... Я поправлюсь, Андре. И защищу ее от тебя... — Силы оставляют ее, она падает на постель.

Становится виден ночной столик. Страшно побледнев, Андре не сводит взгляда с пустого стакана. Его лицо выражает нечто вроде облегчения.

— Я поправлюсь и увезу ее далеко отсюда... далеко отсюда... — слышится слабеющий голос Евы.

Дорога в предместье

Люсьен с мертвенно-бледным, блестящим от пота лицом и перекошенным ртом, весь во власти одолевающей его злобы, поджидает кого-то, притаившись за углом дома. Он держит руку в кармане куртки.

Метрах в ста пятидесяти, склонившись к рулю велосипеда, катит Пьер. Кроме него, на унылой дороге рабочего предместья, вдоль которой высятся недостроенные здания и заводские цеха, никого. Лишь вдали видны рабочие, толкающие тачки и разгружающие грузовики среди дымящихся труб. Пьер приближается к месту, где затаился Люсьен. Лицо Люсьена становится все более напряженным; оглядываясь, как затравленный зверь, он непроизвольно дергается и медленно вынимает руку из кармана. В ней зажат револьвер.

Спальня Евы

— Я поправлюсь... Андре, я поправлюсь... чтобы спасти ее... Я хочу выздороветь... — В голосе Евы гаснут угрожающие ноты.

Ее рука скользит по столику, пытается уцепиться за что-то и наконец бессильно падает, увлекая за собой стакан и графин.